



**Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.**

А. К. Толстой

**Э
К
О
Л
О
Г
И
Я**

Как правило, проблемы в природопользовании связывают с какими-то нарушениями, происходящими в окружающей среде при изъятии тех или иных ресурсов. Так оно и есть. Мы никуда не уйдем от загрязнения всего вокруг, уменьшения биоразнообразия и прочих негативных явлений, сопутствующих природопользованию. Но практика отдельных государств показывает, что можно быть индустриально развитой страной, обеспечивать высокий уровень жизни своего населения и в то же время заботиться об окружающей среде, причиняя ей минимальный урон. Конечно, для этого нужна политическая воля руководства страны и здравый смысл при осуществлении политики природопользования. Здесь в одной упряжке оказываются политика, экономика и экология. От того, кто и как управляет этим «экипажем», зависит, будет ли наблюдаться поступательное движение или, как в известной басне, воз останется на месте.

Когда регулировщик уходит в сторону

КАЖДАЯ ЭПОХА вносит свои коррективы не только в экономику, но и в географию. Почему у нас Восток дальний? От кого и от чего он дальний? От обитателей Садового кольца и Рублевского шоссе? Так некоторым из них и Калуга будет неблизкой, не говоря об Оренбурге и Тюмени. В США давно нет определения «Дальний Запад». Когда шли колонизация и освоение — было. Сейчас есть западные штаты и восточные, северные и южные. Нам надо менять колониальный подход к своей собственной стране, который по-прежнему сохраняется как в географии, так и в экономике.

По мнению ученых, в частности академика Дмитрия Львова, свыше 80 процентов национального богатства России, оцениваемого в \$ 320—380 трлн, приходится на долю природных ресурсов. Основные их запасы сосредоточены в азиатской части страны, а львиная доля — на российском Севере. Я много лет проработал в Якутии, сегодня являюсь членом Совета Федерации от этого субъекта и могу сказать: роль Севера для России знаю не понаслышке. Здесь добывается основная часть газа, 90 процентов никеля и кобальта, больше половины нефти и меди, все российские алмазы, значительная, если не сказать основная, часть золота, ртути, вольфрама, платины, редкоземельных металлов и т. д. и т. п. Велики также запасы этих и других ресурсов, по многим из которых мы мировые лидеры. Таким образом, Север, Сибирь и Восток — это главные опоры экономического развития России в XXI веке, стратегическая ценность которых значительно возрастает в связи с истощением запасов в мире.

Но важно не только иметь. Главное — суметь распорядиться. Это давно стало аксиомой для государственной власти многих стран. Так, доля государства в ВВП Дании, Финляндии, Нидерландах и Швеции составляет 60—70 процентов. Еще больше она (80—100 %) в странах Среднего и Ближнего Востока, где основу экономики составляет использование природных ресурсов. Очень заметна роль государства в Канаде, Норвегии.

У нас же доля государства в ВВП составляет около 37 процентов.

Российский государственный фонд недр насчитывает 20 тысяч месторождений. Из них 17 тысяч отданы в частную эксплуатацию. Повсюду в мире, по крайней мере в цивилизованной его части, использование такого богатства сказывается на благосостоянии прежде всего общества. Так, Норвегия, Исландия, Финляндия, Канада благодаря ра-

Александр МАТВЕЕВ,

*первый заместитель председателя
Комитета Совета Федерации по делам Севера
и малочисленных народов*

чительному использованию природных ресурсов и высокой рентной плате за короткий срок резко подняли уровень жизни и доходы своих граждан. По этому показателю они вошли в первую двадцатку стран. Экономика штата Аляска сегодня официально называется рентной, так как ее основу составляют большие рентные платежи с недоропользователей. Если до конца 70-х годов прошлого века бюджет штата в размере 4—5 млрд долларов на 80—90 % обеспечивался из федеральных поступлений, а на долю бизнеса приходилось 10—12 %, то с появлением крупной нефтедобывающей промышленности соотношение изменилось на прямо противоположное. Богатая федеральная казна Соединенных Штатов сняла с себя основную заботу об Аляске с ее 600-тысячным населением. Благополучие штата пошло в гору благодаря высокой рентной плате, установленной государством.

В России платежи за пользование недрами (роялти) одни из самых низких в мире. Они составляют всего 2—16 % от стоимости добытой и реализованной продукции. А рентные платежи в лесном хозяйстве, так называемая попенная плата, в 100 раз меньше, чем в других лесных странах. По оценкам Российской академии наук, наше государство недобирает со всех природопользователей 80—100 млрд долларов в год. Ну-ка прикинем, много это или мало, если предполагаемый бюджет России на 2005 год, проект которого на днях поступил в парламент, составляет 115 млрд долларов.

Где же она, роль государства в рачительном, на благо общества использовании «общенародной собственности», каковыми по Конституции являются природные ресурсы?!

Возьмем, например, ресурсы лесные. Это такой огромный резерв (тем более, в отличие от нефти, газа и различных руд, восстанавливаемый), что на нем одном можно прожить немало государству. По подсчетам некоторых специалистов, российский лес при глубокой его переработке может давать стране не менее 30 млрд долларов чистого дохода. Причем безо всякого ущерба природе. А что дает? На текущий год совокупные доходы бюджетов всех уровней должны получить от лесопользования меньше 9 млрд рублей. Мы разводим руками: в сибирских, северных, восточных лесах вовсю орудут китайцы, корейцы, японцы. Вывозят круглый лес, а вкладывать деньги в создание

российских перерабатывающих предприятий не хотят. У них там свои предприятия есть. Но что значит не хотят? Человек идет по тому пути, который ему открывают. Наша государственная власть, и только она, создала и продолжает создавать благоприятные условия для расширения лесных ресурсов. В результате заниженных рентных цен, стремления хоть за копейку, но продать лес кубометр нашей древесины стоит в четыре раза дешевле, чем в Прибалтике, и в 20 раз ниже, чем в Западной Европе. В итоге 35 % мирового объема круглого леса — самого дешевого — приходится на долю России и только 5 % — продукция глубокой переработки. Наши доходы от экспорта леса в шесть раз ниже, чем в Канаде.

Не можем использовать правовой, регулирующий опыт соседних стран, так давайте оглянемся хотя бы на свой, отечественный. Недавно на парламентских слушаниях в Государственной Думе приводились такие факты. До революции основная часть леса в царской России была в государственной собственности. В 1913 году лесной департамент дал чистого дохода более 64 млн тогдашних рублей. Россия занимала первое место в мире по экспорту древесины, имея 41 % от общего объема. Причем кругляк и пиленый лес имели примерно равные доли. Теперь мы продаем кругляка 72 % от всего объема, в то время как Финляндия, Швеция, Канада — от двух до пяти процентов.

Это только учтенные наши российские безобразия. В 2002 году было выявлено 87 тысяч различных злоупотреблений на лесном «поприще». В результате лесной комплекс стал оплотом теневиков. И что, государство не может изменить ситуацию? Не будем наивными. Скорее, не хочет.

Нужно ввести таможенные пошлины, определить квоты на вывоз, гибче использовать налоговый кнут и пряник. Наконец, нечего бояться введения жестких ограничений экспорта круглого леса, вплоть до временного его запрета. Государство, если оно, конечно, государство, должно твердо отстаивать свои интересы, а значит, интересы своих граждан.

Нас уверяют «связанные одной цепью», что Россия от введения жестких ограничительных мер проиграет. Покупатели, мол, уйдут к другим. Не надо бояться. Никуда не уйдут. Кто за такие деньги закроет больше трети мирового рынка? В царской России тоже были заинтересованы в привлечении иностранного капитала, но, как теперь выясняется, не забывали и об интересах страны. В 1905 году Николай II наложил запрет на вывоз сырьевых природных ресурсов из страны, и через восемь лет Россия вышла на первое место в мире по производству 47 видов важнейшей продукции. Как могла развиваться империя, не будь мировой войны и революции, сейчас можно только гадать.

Как экономиста и менеджера горнодобывающего производства меня волнует недопустимое дальше отстранение государства от эксплуатации отечественного природно-ресурсного потенциала. Вместе с тем,

думаю, и в других базовых отраслях экономики мы тоже слишком далеко отодвинули регулировщика движения — государство — от координации сложных потоков, благодаря которым можно быстрее развивать Север России и ее азиатскую часть. Я имею в виду прежде всего транспортное строительство.

В мае 2004 года правительством России было принято постановление «О неотложных мерах по строительству железнодорожной линии Беркатит — Томмот — Якутск». В нем определено, что магистраль длиной в 830 км и стоимостью 15 млрд рублей должна быть полностью сдана в эксплуатацию в 2010 году. Еще в советские годы мне пришлось доказывать ее необходимость для Якутии. Чтобы произвести на Севере одну тонну продукции, сюда надо завезти шесть тонн различных грузов. Так называемый «северный завоз» — это трата огромных денег, напряженная работа речников и моряков в короткий летний период, перерасход запасов, которые хранятся 9—10 месяцев. Железная дорога все эти проблемы снимает. Мои оппоненты, в том числе из органов власти, категорически выступали против магистрали. Они вообще хотели бы оставить огромную территорию без дорог. Реки и «зимники» — вот и все пути сообщения. Иначе, мол, будет разрушена хрупкая северная природа. Да, будет, если действовать через колено. А если так, как делали и делают на Аляске, то можно и девственную природу сохранить и получить огромный экономический эффект.

Но есть еще одна проблемная «линия». Это Северный морской путь. Мы можем его потерять, если государство решительно не вмешается в его возрождение. Инициативу по захвату этого стратегически важного пути из Азии в Европу уже проявляют японцы и норвежцы. Сейчас Севморпуть загружен лишь на треть, в основном по нему везет свою продукцию «Норильский никель». Стоят на мертвом якоре многие ледоколы и полярные суда, часть которых продана на металлолом. А ведь Северный морской путь — это дорога более чем в два раза короткая, чем через Суэцкий канал, дорога из Европы в Японию и Китай. Доставка грузов обходится в 1,6 раза дешевле. Однако магистраль выгодна не только потребителям. Россия благодаря такому транспортному коридору может иметь тоже немалые преимущества. На базе многих северных портов, сегодня по большей мере неработающих, можно создать локальные зоны таможенного благоприятствования. Это придаст им новый импульс развития, оживит их. Но опять-таки нужна активная позиция государства. Именно оно должно создать условия для эффективного использования Севморпути, которые включают в себя много факторов — от тарифной политики до выработки наиболее оптимальных схем работы всех участников транспортного потока. Впрочем, в этом и заключается роль государства — активно участвовать в рыночных процессах, беря в руки время от времени жезл регулировщика.

Газета «Якутия»

(опубликовано с сокращениями)

